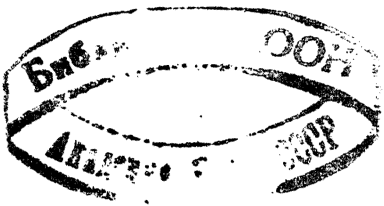
РУССКІЕ СОЦІАЛДЕМОКРАТЫ

И

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

529
46

РУССКІЕ СОЦІАЛДЕМОКРАТЫ
И
НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

Редакція женевскаго „Соціальдемократа“ — Центральнаго органа Рос. С.-Д. Раб. Партіи — издала „Сборникъ“, посвященный главнымъ образомъ національному вопросу и защитѣ „права на самоопредѣленіе націй“.

Русскіе соціалдемократы, относившіеся въ свое время совершенно равнодушно къ національному вопросу, начали въ послѣдніе годы имъ интересоваться.

Впрочемъ, правое ихъ крыло, повернувшее такъ круто передъ войной въ сторону оппортунизма, а за время войны въ сторону патріотизма, вовсе не заботится о націяхъ, угнетенныхъ его „защищающимся“ и дорогимъ „отечествомъ“. Мы о нихъ поэтому и говорить не будемъ.

Революціонное крыло русскихъ соціалдемократовъ, наоборотъ, очень активно выступаетъ по національному вопросу. Этимъ занимается преимущественно его заграничное представительство, которое, пользуясь всеобщей сумятицей, властно декретируетъ свои взгляды, проклиная несогласныхъ.

Наша народная пословица говоритъ, что „чертъ въ дѣйствительности вовсе не такой страшный, какимъ его рисуютъ“. И это правда. Отбросивъ поэтому суевѣрные предразсудки, мы приступаемъ къ изложенію нашего предмета.

„Сборникъ“ начинается „Тезисами“, носящими громкое заглавіе „Соціалистическая революція и право націй на самоопредѣленіе“. Въ нихъ мы читаемъ:

„Право на самоопредѣленіе націй означаетъ исключительное право на независимость въ политическомъ смыслѣ, на свободное политическое отдѣленіе отъ угнетающей націи. Конкретно, это требованіе политической демократіи означаетъ полную свободу агитаціи за отдѣленіе и рѣшеніе вопроса объ отдѣленіи референдумомъ отдѣляющейся націи. Такимъ образомъ это требованіе вовсе не равносильно требованію отдѣленія, дробленія, образованія мелкихъ государствъ. Оно означаетъ лишь послѣдовательное выраженіе борьбы противъ всякаго національнаго гнета. Чѣмъ ближе демократическій строй къ полной свободѣ отдѣленія, тѣмъ рѣже и слабѣе будутъ на практикѣ стремленія къ отдѣленію, ибо выгоды крупныхъ государствъ и съ точки зрѣнія экономическаго прогресса и съ точки зрѣнія интересовъ массы несомнѣнны, причемъ онѣ все возрастаютъ съ ростомъ капитализма“...

„Цѣлью соціализма является не только уничтоженіе раздробленности человѣчества на мелкія государства и всякой обособленности націй, не только сближеніе націй, но и сліяніе ихъ. И именно для того, чтобы достигнуть этой цѣли, мы должны“... „требовать освобожденія націй не въ общихъ расплывчатыхъ фразахъ, не въ безсодержательныхъ декламаціяхъ, не въ формѣ „откладыванія“ вопроса до соціализма, а въ ясно и точно формулированной политической программѣ, спеціально учитывающей лицемѣріе и трусость соціалистовъ въ угнетающихъ націяхъ“.

Цитата эта опредѣляетъ основныя взгляды редакціи Центральнаго Органа Р. С.-Д. Р. П. на національный вопросъ. Поразительна, однако, бросающаяся въ глаза, противорѣчивость этихъ взглядовъ.

Такъ, напримѣръ, за признаніемъ „права на само-

опредѣленіе націй", которое понимается въ исключительномъ смыслѣ права „отдѣленія отъ угнетающей націи", слѣдуетъ непосредственно утвержденіе, что „выгоды крупныхъ государствъ съ точки зрѣнія экономическаго прогресса и съ точки зрѣнія интересовъ массы несомнѣнны".

Эти два положенія исключаютъ другъ друга. Потому что, если мы признаемъ, что „съ развитіемъ капитализма" крупныя государства все больше служатъ интересамъ массъ и прогресса, то наша защита „права на самоопредѣленіе націй", осуществленіе котораго разъединяетъ „крупныя государства", играла бы роль препятствія развитію „крупныхъ государствъ" и капиталистическому прогрессу вообще. Имѣя это въ виду и какъ бы для того, чтобы окончательно запутать вопросъ, авторы „тезисовъ" отмѣчаютъ, что дѣйствительно „требованіе свободнаго отдѣленія отъ угнетающей націи" „вовсе не равносильно требованію отдѣленія, дробленія, образованія мелкихъ государствъ".

Изъ этого слѣдуетъ, что программа въ національномъ вопросѣ Центральнаго органа Р.С.-Д.Р.П., заключающаяся въ *признаніи* „права на самоопредѣленіе націй" и въ одновременномъ его *отрицаніи*, — равняется нулю.

Но если въ математикѣ нули обозначаютъ *ничто*, то политическіе программные нули часто выставляются какъ большія политическія числа, а защитники такихъ нулей, какъ это произошло, напримѣръ, въ нашемъ случаѣ, выступаютъ съ „требованіемъ освобожденія націй не въ общихъ расплывчатыхъ фразахъ, не въ безсодержательныхъ декламаціяхъ, не въ формѣ „откладыванія" вопроса до соціализма, а въ ясно и точно формулированной программѣ, спеціально учитывающей лицемѣріе и трусость соціалистовъ въ угнетающихъ націяхъ".

Какимъ бы страннымъ и не казалось это „требованіе", провозглашаемое людьми, программа которыхъ по національному вопросу равняется нулю, но мы все же охотно

признаемъ необходимость для соціалистовъ въ національномъ вопросѣ „ясно и точно формулированной программы, спеціально учитывающей лицемѣріе и трусость соціалистовъ въ угнетающихъ націяхъ“.

Ибо только принявъ во вниманіе это лицемѣріе намъ станетъ понятнымъ „право на самоопредѣленіе націй“, защищаемое русскими соціалдемократами.

Принципъ „права на самоопредѣленіе націй“ былъ признанъ ими когда они еще не были разъединены и объединялись вокругъ газеты „Искра“, выходившей въ Женевѣ. Такъ еще въ 1903 году по поводу сорокалѣтія послѣдняго польскаго возстанія 1863 года, русская и польская соціалистическая пресса занялась обсужденіемъ національнаго вопроса съ связи съ вопросомъ возстановленія независимой Польши. Въ 44 номерѣ „Искры“была, между прочимъ, напечатана передовая статья Ленина „Національный вопросъ въ нашей программѣ“. Статья эта посвящена вопросу о „правѣ на самоопредѣленіе націй“ и въ ней, какъ и въ „Сборникѣ“, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, Ленинъ, выступая въ защиту „права на самоопредѣленіе“, тотчасъ же спѣшитъ добавить, что „безусловное признаніе борьбы за свободу самоопредѣленія вовсе не обязываетъ насъ поддерживать всякое требованіе національнаго самоопредѣленія“.

Полемизируя далѣе съ П.П.С., Ленинъ отмѣчаетъ разницу между прежней повстанской и демократической Польшей и современной буржуазной, что *тогда* (во время Маркса) „полная побѣда демократіи въ Европѣ дѣйствительно была невозможной безъ возстановленія Польши“ и что *теперь* „Петербургъ сдѣлался гораздо болѣе важнымъ революціоннымъ центромъ, чѣмъ Варшава, русское революціонное движеніе имѣетъ уже болѣе крупное международное значеніе, чѣмъ польское“. Цитируя затѣмъ слова Меринга о томъ, что возстановленіе Польши является „реакціонной утопіей“ и что „въ настоящее время возстановленіе Польши возможно лишь посредствомъ ре-

волюціи, которой современный пролетаріатъ разобьетъ свои цѣпи", Ленинъ добавляетъ: „Мы вполнѣ подписываемся подъ такимъ выводомъ Меринга".

Исходя изъ этого онъ рѣшительно выступаетъ *противъ* „распаденія Россіи, къ которому стремится польская соціалистическая партія, *въ отличіе* отъ нашей цѣли сверженія самодержавія" и заявляетъ въ концѣ статьи, что „мы всегда будемъ говорить польскому рабочему: только самый полный союзъ съ русскимъ пролетаріатомъ способенъ удовлетворить требованіямъ текущей, данной политической борьбы противъ самодержавія, только такой союзъ дастъ гарантію политическаго и экономическаго освобожденія.

То, что мы сказали о польскомъ вопросѣ, примѣнимо и ко всякому другому національному вопросу".

Итакъ, Ленинъ, заявивъ въ 1903 г. о признаніи имъ права на отдѣленіе націй, въ той же статьѣ преоткровенно выступилъ противъ „распада Россіи" и значитъ противъ „самоопредѣленія" не только поляковъ, но и всѣхъ остальныхъ угнетенныхъ націй Россіи, какъ это вполнѣ ясно слѣдуетъ изъ его послѣднихъ, подчеркнутыхъ нами, словъ.

Интересно, что русскіе соціалдемократы, дѣлая видъ будто они отстаиваютъ „право на самоопредѣленіе націй", пресерьезно обѣщаютъ такъ же, что это право будетъ признано государствомъ, чего добьется „союзъ польскаго и русскаго пролетаріата во имя требованія демократической республики, которая обезпечитъ всѣмъ націямъ право свободнаго самоопредѣленія" („Искра" № 33, „За сорокъ лѣтъ"). Въ „Тезисахъ" „Сборника" также сказано, что „чѣмъ ближе демократическій строй государства къ полной свободѣ отдѣленія, тѣмъ рѣже и слабѣе будутъ въ практикѣ стремленія къ отдѣленію".

Странная, неправда-ли, свобода, отъ которой въ мѣру ея достиженія будутъ отказываться угнетенныя націи! Это напоминаетъ намъ рѣчь Родичева въ Думѣ, который

говорилъ: „Дайте украинцамъ школу для того, чтобы они потомъ сами отказались отъ нея“. Но если такое издѣвательство русскаго либерала надъ требованіями угнетеннаго Россіей народа понятно, то толкованіе русскими соціалдемократами ихъ „права на самоопредѣленіе націй“, какъ права, которое по его достиженіи откажутся осуществить угнетенныя націи, толкованіе при томъ отъ интернаціонализма и отъ соціализма, можетъ поражать и возмущать.

Не менѣе удивительно и обѣщаніе русскихъ соціалдемократовъ добиться „обезпеченія“ демократической республикой права свободнаго отдѣленія. Вѣдь если въ Россіи и будетъ дѣйствительно осуществленъ демократическій порядокъ, то считаясь съ примѣромъ развитія западноевропейскихъ государствъ и принимая такъ же во вниманіе реакціонность и рѣзко выраженный имперіалистическій характеръ политики русской буржуазіи, можно съ увѣренностью сказать, что она не только не будетъ противъ ослабленія царскаго централизма, но усилитъ его, превративъ изъ исключительно бюрократическаго въ общественную систему угнетенія націй россійской имперіи.

Смѣшно вообще говорить о возможности „обезпеченія“ властью капиталистическаго государства „правъ на самоопредѣленіе націй“. Каждое государство, наиболѣе демократическое, и въ особенности теперь въ вѣкъ имперіализма, не только никогда не согласится разрѣшить угнетеннымъ націямъ отдѣляться, но всегда будетъ стремиться къ новымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ, къ новому угнетенію націй. Капиталистическія правительства всегда относились къ „праву на самоопредѣленіе націй“, какъ къ измѣнѣ отечеству и карають виновныхъ смертною казнью.

Обѣщаніе русскихъ соціалдемократовъ „обезпечить“ въ россійской республикѣ „право на отдѣленіе“, мы были бы въ правѣ считать преступнымъ и сознатель-

нымъ обманомъ демократіи угнетенныхъ народовъ, если бы мы не вспомнили въ ихъ оправданіе о ихъ идеализаціи демократической Россіи, русскихъ „трудящихся массъ“ и политической революціи, которую они часто отождествляютъ съ революціей соціальной.

Ленинъ, напримѣръ, не сомнѣвается, что въ настоящей войнѣ его партія сможетъ захватить въ свои руки власть и что тогда: „мы предложили бы, обѣщаетъ онъ, миръ *всѣмъ* воюющимъ на условіи освобожденіи колоній и *всѣхъ* зависимыхъ, угнетенныхъ и неполноправныхъ народовъ. Ни Германія ни Англія съ Франціей не приняли бы, при теперешнихъ правительствахъ ихъ, этого условія. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революціонную войну т. е. не только полностью провели бы самими рѣшительными мѣрами (!) всю нашу программу-минимумъ, но и систематически стали бы поднимать на возстаніе всѣ нынѣ угнетенные великороссами народы, всѣ колоніи и зависимыя страны Азіи (Индію, Китай, Персію и пр.), а также — и въ первую голову — подняли бы на возстаніе соціалистическій пролетаріатъ Европы противъ его правительствъ и вопреки его соціалъ-шовинистамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что побѣда пролетаріата въ Россіи дала бы необыкновенно благопріятныя условія для развитія революціи въ Азіи и Европѣ“. („Соціальдемократъ“ № 17, 13 октября 1915 года).

Въ дополненіе къ этой революціонной белибердѣ приведемъ еще цитату изъ другой русской соціалистической газеты „Впередъ“ (№ 2), представляющей лѣвое крыло большевиковъ, которая убѣждена, что если Россія во время войны демократизовалась бы, то „перестала бы быть пугаломъ для балканскихъ (!) и австрійскихъ (!) славянъ (!), наоборотъ, она была бы для нихъ такимъ могущественнымъ *магнитомъ*, что тотъ часъ зашатался бы австрійскій милитаризмъ. Самымъ фактомъ своего демократизма Россія обезоружила бы своихъ враговъ“.

Эта слѣпая вѣра въ демократическія и соціалистическія преимущества Россіи, съ нашей точки зрѣнія, вовсе не является выраженіемъ, какъ это принято думать, особенной революціонности и интернаціоналистической непогрѣшимости русскаго соціализма. Наоборотъ, если принять во вниманіе развитіе русскихъ либерельныхъ идей прошлаго столѣтія въ отношеніи ихъ къ національному вопросу, то мы увидимъ, что національная программа русскихъ революціонныхъ соціалдемократовъ является ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ великорусской либеральной патріотической программы, формулированной въ эпоху освобожденія крестьянъ.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ и можно сказать творцемъ этой программы былъ, какъ извѣстно, Герценъ, этотъ „властитель думъ“ періода 60-хъ годовъ. Въ тѣ времена очень рѣзко стоялъ польскій вопросъ, въ виду польскаго возстанія, совпавшаго съ освободительнымъ русскимъ движеніемъ 60-хъ годовъ.

Всѣ попытки соглашенія русскихъ либераловъ и польскихъ повстанцевъ не привели ни къ какому положительному результату, а съ наступленіемъ реакціи при Александрѣ II русское общество, начавшее быстро проникаться патріотическими настроеніями, отвернулось отъ Польши, которую царизмъ взялъ въ свои желѣзныя лапы. Оправданіемъ его звѣрскихъ издѣвательствъ надъ польской націей послужили, между прочимъ, идеи славянофильства, которыя изъ федералистической программы превратились въ программу великорусскаго патріотизма и подъ ея знаменемъ царизмъ „освобождалъ“ въ 1877 г. балканскихъ „братушекъ“.

Замѣчательно, что герценовская національная федералистическая программа, заключавшая въ себѣ уже всѣ элементы ненасытнаго великорусскаго націонализма, была построена на принципѣ.... ...„права на самоопредѣленіе націй“.

Отвѣчая польскому писателю въ открытомъ письмѣ,

помѣщенномъ въ № 34 „Колокола“ за январь 1859 г. подъ заглавіемъ „Россія и Польша“, Герценъ писалъ:

„Польша, какъ Италія, какъ Венгрія имѣетъ *неотъемлемое полное* право на государственное существованіе *независимое* отъ Россіи. Желаемъ ли мы, чтобы свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, *мы этого не желаемъ* и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общественное свободное развитіе.

Намъ кажется, что Польша и Россія могутъ рука объ руку идти одной дорогой къ новой свободной соціальной жизни.

Мы думаемъ, что Польша и Россія не въ томъ положеніи, въ которомъ Ломбардія и Австрія. У Австріи и Ломбардіи совершенно разныя дороги, гибель Австріи единственное условіе жизни народовъ, скованныхъ ею во-едино“.

„Совсѣмъ напротивъ Россія, такая же живая личность какъ Англія, какъ Франція, только съ той разницей, что тѣ „вѣтхія деньми“ съ своимъ богатствомъ и съ своими рубцами, съ шевронами на рукахъ и съ истрѣленными, въ послѣдніе три вѣка знаменами, покрытыя славою, идутъ на отдыхъ, а Россія только что выступаетъ на плацъ, на парадное мѣсто въ исторіи. Самое имя Россіи, оно начинаетъ повторяться въ Европѣ вмѣстѣ съ именемъ Америки.

Россія, кромѣ закраинъ своихъ, представляетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый русскій сознаетъ себя частью державы, сознаетъ родство свое со всѣмъ населеніемъ, воспитанномъ въ томъ же сельскомъ быту, съ своимъ общиннымъ порядкомъ и раздѣленіемъ полей. Отъ того-то, гдѣ бы русскій не жилъ въ огромныхъ пространствахъ между Балтикой и Тихимъ Океаномъ, онъ прислушивается, когда

враги переходятъ русскую границу и готовъ идти на помощь Москвѣ такъ, какъ шелъ въ 1612 и въ 1812 г.“

Обсуждая далѣе вопросъ о границахъ между Польшей и Россіей и послѣ словъ: „Но скажите, что же мы за наслѣдники вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать какая полоса куда принадлежитъ, *не спросясь людей на ней живущихъ*“, Герценъ пишетъ:

„Ну, если послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, Украйна, помнящая всѣ притѣсненія Москалей, и крѣпостное состояніе, и наборы, и безправіе, и грабежъ, и кнутъ съ одной стороны и не забывая съ другой каково ей было за Рѣчью-Посполитой съ жолнерами, панами и коронными чиновниками не захочетъ быть *ни польской, ни русской*? По моему вопросъ рѣшается очень просто, Украйну слѣдуетъ признать свободной и независимой“. „Въ Малороссіи живутъ люди, люди подавленные рабствомъ, но не настолько сломанные правительствомъ и помѣщиками, что потеряли всякое чувство народности, совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито — что-же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны *принадлежать* Польшѣ?

Развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ-те имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнутъ черезъ кнутъ къ намъ, чарезъ папежъ къ вамъ, или, *если они умны*, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій сою ъ и на независимость отъ обоихъ“.

„Для того, чтобы сказать *можно ли идти* съ Россіей или нѣтъ, *надобно* посмотрѣть что выйдетъ изъ общаго движенія, въ которое Россія ринута“...

„Если же Россія, запнувшись на первомъ шагѣ (освобожденіе крестьянъ съ землею. Л. Р.), останется подъ розгой помѣщика, подъ палкой полиціи, безъ суда, безъ правъ, управляемая ординарцами и писарями; если все это движеніе окажется слабымъ и мы безропотно воротимся къ

николаевскому времени, тогда не только Польшѣ, не только Украйнѣ не слѣдуетъ оставаться съ Россіей, но слѣдуетъ имъ соединиться, идти на Москву и разгромить это исполинское зданіе рабства.

Вотъ вамъ весь нашъ взглядъ, и чтобы ни сказали русскіе патріоты, или ваши, мы его не измѣнимъ и ему не измѣнимъ потому, что мы убѣждены въ его истинѣ сердцемъ и умомъ."

Мы нарочно не пожалѣли мѣста для этой длинной цитаты, чтобы показать все удивительное сходство взглядовъ Герцена на національный вопросъ съ современной программой „права на самоопредѣленіе націй" русскихъ соціалдемократовъ, называющихъ себя интернаціоналистами.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Герценъ даже рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе Ленина, но они оба національные близнецы и ихъ взгляды на національный вопросъ въ общемъ тождественны.

Оба они признаютъ за націями „неотъемлемое полное право на государственное существованіе независимо отъ Россіи", но если вы ихъ спросите желаютъ ли они на самомъ дѣлѣ отдѣленія угнетенныхъ Россіей націй, то они въ одинъ голосъ и дружно отвѣтятъ вамъ: „*Нѣтъ, мы этого не желаемъ*!" Они враги „распаденія Россіи" и, признавая лишь для формы „право на самоопредѣленіе", въ дѣйствительности являются горячими защитниками ея единства. Герценъ, исходя изъ того, что „исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое свободное развитіе", а Ленинъ потому что „выгоды крупныхъ государствъ и съ точки зрѣнія экономическаго прогресса и съ точки зрѣнія интересовъ массы несомнѣнны".

Обоихъ дѣятелей — либеральнаго и соціалистическаго — объединяетъ такъ же преклоненіе передъ величіемъ Россіи и оба они съ одинаковымъ воодушевленіемъ счи-

таютъ ее Мессіей спасенія человѣчества отъ соціальной неправды. Герценъ обосновываетъ свои надежды въ этомъ отношеніи на великорусской „общинѣ“, а Ленинъ на „россійскомъ пролетаріатѣ“ и оба они увѣрены, что не „вѣтхая |деньми“ и „идущая на отдыхъ“ Западная Европа, а Россія первая осуществитъ соціализмъ, при чемъ Ленинъ воображаетъ даже, что во время настоящей войны соціалистическій русскій пролетаріатъ, захвативъ съ свои руки власть и объявивъ войну Западной Европѣ..., „подниметъ въ ней на возстаніе соціалистическій пролетаріатъ Европы противъ его правительствъ и вопреки его соціалъ шовинистамъ“.

Оба они такъ же занимаютъ формально весьма крайнюю позицію въ національномъ вопросѣ. Герценъ готовъ обратиться къ угнетеннымъ націямъ, если Россія не осуществитъ „соціальнаго идеала“ съ призывомъ „идти на Москву и разгромить это исполинское зданіе рабства“, а Ленинъ обѣщаетъ, что его партія, захвативъ власть въ свои руки во время настоящей войны, „станетъ поднимать на возстаніе всѣ нынѣ угнетенные великороссами народы“.

Это единомысліе въ національномъ вопросѣ отца русскаго либерализма и лидера современнаго русскаго соціализма весьма, конечно, знаменательно.

Герценовскій славянофильскій федералистическій „интернаціонализмъ“, не говоря о его реакціонномъ отпрыскѣ въ формѣ современнаго неославянскаго движенія, превратился въ настоящемъ русскомъ либеральномъ движеніи въ программу великорусской агрессивной имперіалистической политики, открыто враждебной къ національно-освободительнымъ движеніямъ угнетенныхъ народовъ Россіи.

Герценъ былъ теоритическимъ творцомъ идеи великой Россіи, творцемъ великорусскаго буржуазнаго патріотизма. Но его эпоха была эпохой идеалистической, юношеской стадіи развитія русскаго либерализма и поэтому

его великорусскій патріотизмъ принялъ революціонную форму.

Въ этой именно революціонной формѣ и приняли программу русскихъ либераловъ въ національномъ вопросѣ русскіе соціалдемократы и если они обновили старую либеральную революціонность новѣйшей пролетарской, то все же содержаніе программы осталось въ общемъ не измѣненнымъ.

Что такое „право на самоопредѣленіе націй“? Буржуазія угнетающей націи пользуется этимъ „правомъ“ для подогрѣванія у своихъ или чужихъ угнетенныхъ націй патріотическихъ чувствъ преданности „крупнымъ государствамъ“. Подобно Герцену и Ленину, которые обѣщаютъ „обезпечить“ „право на самоопредѣленіе“ въ свободной и демократической Россіи, буржуазія и ея правительства тоже обыкновенно обѣщаютъ освобожденіе угнетеннымъ націямъ *послѣ* чего нибудь, напр. *послѣ* войны.

Русское общественное мнѣніе весьма сочувственно отнеслось къ царскому обѣщанію „самоопредѣленія“ польскому народу *послѣ* войны. Однако его отношеніе къ судьбамъ другихъ угнетенныхъ народовъ было нѣсколько инымъ. Въ этомъ отношеніи весьма характерна та позиція, которую заняла русская правая и либеральная пресса въ вопросѣ о поведеніи правительственной власти въ завоеванной теперь части Галиціи и Буковины.

Послѣ перваго завоеванія австрійской Украйны, русскіе войска и чиновничество, какъ свѣтское, такъ и духовное, отличилось, какъ извѣстно, такимъ варварскимъ отношеніемъ къ украинскому населенію, что во время второго нашествія русскихъ войскъ украинское населеніе старалось, какъ это было отмѣчено русской прессой, заранѣе покинуть свои жилища. Русская пресса не могла не обратить на это вниманія и со всѣхъ сторонъ посыпались упреки на правительство за то, что оно возста-

новило противъ себя галицкое населеніе и усилило въ немъ австрофильскія симпатіи.

Однако, какъ правая, такъ и либеральная русская печать, обвиняетъ правительство не за само насиліе надъ украинскимъ австрійскимъ населеніемъ, а только за то, что правительство уже во время войны начало угнетать австрійскую Украйну. „Колоколъ“ откровенно писалъ, что для разрѣшенія вопроса о „галицкомъ украинофильствѣ“ „*придетъ свое время*, когда завоеваніе исконной русской области окончательно и нерушимо будетъ закрѣплено за Россійской Имперіей“, а пока совѣтуетъ „не вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Галиціи“. Въ томъ же духѣ высказалось и „Новое Время“, заявившее, что разрѣшеніе „гражданской задачи“ въ Галиціи „пока еще преждевременно“. „Русскія Вѣдомости“ въ свою очередь обвиняютъ правительство, что оно, „не ожидая окончанія войны“, хотѣло осуществить въ оккупированномъ краѣ „внутренне-политическія задачи“. „День“ тоже отмѣчаетъ, что „гражданское національное вѣроисповѣдное переустройство края должно быть оставлено до времени послѣ окончанія войны“. Такую же приблизительно позицію заняла и „Рѣчь“, при чемъ, какъ она, такъ и вся, писавшая объ австрійской Украйнѣ, русская пресса, требуя уваженія со стороны правительства къ національнымъ и религіознымъ особенностямъ оккупированнаго края, ни словомъ не упоминаетъ о томъ крайнемъ угнетеніи, которому подвергается за время войны украинское движеніе въ Россіи.

Но наиболѣе характернымъ было заявленіе, сдѣланное относительно австрійской Украйны кн. Е. Трубецкимъ въ „Русскомъ Словѣ“ (№ 171 за 1906 г.) „Если мы, писалъ онъ, ставимъ себѣ цѣлью *сліяніе* галичанъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, мы должны съ самаго начала внушить имъ убѣжденіе, что быть русскимъ для нихъ значитъ не отрекаться отъ своихъ религіозныхъ вѣрованій и національныхъ особенностей, а сохранять ихъ“.

Академія Наукъ СССР

Эти слова свидѣтельствуютъ, что Ленинъ солидаренъ въ національномъ вопросѣ не только съ Герценомъ, но и съ кн. Трубецкимъ, такъ какъ и кн. Трубецкой и Ленинъ обѣщаютъ угнетеннымъ націямъ, первый — „сохраненіе ихъ національныхъ особенностей", а Ленинъ — „право на самоопредѣленіе", но оба въ цѣляхъ *сліянія* націй.

Вообще обѣщаніе „права" на освобожденіе со стороны угнетателя всегда является „лицемѣріемъ". Вѣдь это право рѣшительно противоположно его интересамъ и потому, если онъ его обѣщаетъ, то только для того, чтобы обмануть угнетеннаго и такимъ путемъ продолжить свое господство.

Такимъ же лемагогическимъ лозунгомъ, какъ „право на самоопредѣленіе націй", можно считать и лозунгъ „права на трудъ", который издавна служитъ буржуазіи средствомъ обмана рабочихъ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое" и если мы представимъ себѣ вмѣстѣ съ Герценомъ, что Украйна, вспомнивъ свое великое выступленіе противъ Польши и побѣду надъ ней, возстанетъ противъ Россіи, и пойдетъ противъ нея войной, то о какомъ „правѣ" Украйны можно будетъ говорить въ такой моментъ *). Нѣтъ сомнѣ-

*) Кстати отмѣтимъ, что „Сборникъ" предлагаетъ въ его „Тезисахъ" „рѣшеніе вопроса объ отдѣленіи референдумомъ отдѣляющейся націи". Ничего нѣтъ ошибочнѣе такого взгляда. Самостоятельно отдѣлившаяся нація не нуждается въ референдумѣ. Къ референдуму можетъ прибѣгнуть только завоеватель или вообще господствующая власть и при такихъ условіяхъ референдумъ можетъ быть лишь проявленіемъ насилія. Хорошо бы, напримѣръ, выглядѣлъ референдумъ, организованный теперь нѣмцами въ Польшѣ. Ходятъ такъ-же слухи, что черносотенцы отстаиваютъ необходимость референдума на Украйнѣ для разрѣшенія вопроса о ея національной школѣ. Нельзя сомнѣваться, что при теперешнихъ полицейскихъ условіяхъ, когда даже украинское печатное слово запрещено, такой референдумъ дастъ благопріятный для царскаго правительства отвѣтъ.

нія, что русское правительство и буржуазія употребятъ всѣ свои усилія, а также и помощь союзныхъ имъ государствъ для побѣды надъ Украйной, для ея разгрома и новаго подчиненія.

Но какъ поступитъ въ такомъ случаѣ русскій пролетаріатъ? Если онъ будетъ воспитанъ въ духѣ ленинскаго „права на самоопредѣленіе“ и если мы допустимъ даже, что въ случаѣ возстанія Украйны, Ленинъ выскажется за „пораженіе Россіи“, то русскій пролетаріатъ скорѣе всего *не* послушаетъ его и пойдетъ противъ Украйны.

Вѣдь онъ будетъ помнить, что уже въ продолженіи десяти лѣтъ Ленинъ самымъ энергичнымъ образомъ выступаетъ противъ „распаденія Россіи“, что онъ всегда былъ того мнѣнія, что „выгоды крупныхъ государствъ и съ точки зрѣнія экономическаго прогресса и съ точки зрѣнія интересовъ массы несомнѣнны, при чемъ они все возрастаютъ съ ростомъ капитализма“ и что необходимъ „самый полный союзъ (пролетаріевъ угнетенныхъ націй) съ русскимъ пролетаріатомъ“ ибо только такой союзъ дастъ гарантію полнаго политическаго и экономическаго освобожденія“.

Кромѣ того, русскій рабочій научился отъ Ленина, что современныя войны отличаются ихъ исключительнымъ имперіалистическимъ характеромъ. Принявъ это во вниманіе русскіе рабочіе легко сообразятъ, что украинская буржуазія, которая будетъ стоять во главѣ возставшаго украинскаго народа, если она будетъ побѣдителемъ, не ограничится, конечно, освобожденіемъ украинской территоріи, а постарается также „освободить“ напр., и Бѣлорусію, о присоединеніи которой уже теперь мечтаютъ сторонники независимой Украйны. Не откажется украинская буржуазія и отъ анексіи добраго куска великорусской территоріи.

Опасность украинской побѣды должна будетъ толкнуть русскій пролетаріатъ на выступленіе противъ „самоопредѣляющейся“ Украйны и въ свое оправданіе онъ

скажетъ, что его „право на самоопредѣленіе націй вовсе не равносильно требованію отдѣленія, дробленія, образованія мелкихъ государствъ“. Украинскихъ же рабочихъ, если они, повѣривъ въ „право на самоопредѣленіе“, присоединятся къ возстанію, русскій пролетаріатъ назоветъ измѣнниками дѣлу „полнаго политическаго и экономическаго освобожденія“ и будетъ бороться противъ нихъ въ „освободительныхъ“ цѣляхъ.

Такимъ образомъ, какъ русскій пролетаріатъ такъ и украинскій, если онъ будетъ исходить изъ „права на самоопредѣленіе націй“ въ моментъ борьбы ихъ народовъ, великорусскаго за „единство“, а украинскаго за „отдѣленіе“, неизбѣжно придутъ къ выводу необходимости „защиты ихъ отечествъ“. Тотъ, кто отстаиваетъ опредѣленное право не можетъ не защищать того, что осуществленіе этого права ему принесетъ. Если мы, скажемъ, послѣ долгой борьбы добиваемся права на свободное слово, то при всякой попыткѣ отобрать его у насъ мы будемъ защищаться. Не защищая осуществленныхъ требованій нѣтъ смысла бороться за нихъ.

Осуществленіе „права на самопредѣленіе“ обязываетъ къ „защитѣ отечества“. Въ виду этого намъ кажется нелогичнымъ отказъ сторонниковъ „права на самоопредѣленіе“ отъ защиты современныхъ государствъ. Вновь организованныя государства ничѣмъ въ дѣйствительности не будутъ отличаться отъ существующихъ уже государствъ. Русскіе соціалдемократы, обсуждая „право на самоопредѣленіе“, никогда не затрагивали вопроса о томъ, какими должны быть новыя границы — историческими или этнографическими. Если, напримѣръ, возстановить Польшу въ ея историческихъ границахъ, то пришлось бы включить въ нее литовцевъ, бѣлоруссовъ и половину украинцевъ. Но если мы захотимъ принять принципъ этнографическихъ границъ, то и въ этомъ случаѣ не придемъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, такъ какъ границы при капиталистическомъ

порядкѣ съ его войнами и анексіями постоянно измѣняются. Поэтому не существуютъ и не могутъ существовать въ настоящее время цѣльныя въ національномъ смыслѣ государства и въ каждомъ изъ нихъ господствуетъ наиболѣе сильная числомъ нація.

Но всѣ эти соображенія собственно не касаются „права на самоопредѣленіе“ русскихъ революціонныхъ соціалдемократовъ, такъ какъ ихъ „право на самоопредѣленіе“ представляетъ ничто иное, какъ сущее „лицемѣріе“.

Преклоненіе русскихъ соціалдемократовъ передъ „крупными государствами“ и передъ централизмомъ этихъ государствъ убиваетъ въ нихъ способность взглянуть на національный вопросъ съ искренне интернаціоналистической точки зрѣнія.

Ленинъ, напримѣръ, рѣшаетъ вопросъ о взаимоотношеніи „большихъ“ и „маленькихъ“ націй точно такъ же, какъ разрѣшаютъ его на практикѣ правительства „крупныхъ государствъ“. При чемъ онъ въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, выдаетъ свои взгляды за послѣднее слово марксистскаго совершенства и говоритъ отъ имени Маркса съ такой увѣренностью, какъ говорятъ отъ имени Господа Бога клерикалы.

Еще въ 1896 году Каутскій, въ его предисловіи къ „Революціи и контръ-революціи“ Маркса, совершенно правильно отмѣтилъ, что Марксъ ошибся, „отрицая за (австрійскими) славянскими племенами, прежде всего за чехами, всякую возможность національнаго существованія“. Ошибка Маркса заключалась, по мнѣнію Каутскаго, въ томъ, что Марксъ не принялъ въ соображеніе того, что „въ 1848 году національное движеніе богемцевъ было классовой борьбой, во главѣ котораго стоялъ *одинъ* классъ, мелкая буржуазія. Благодаря этому вся нація могла выступить временно какъ врагъ революціи и національное движеніе имѣло характеръ единства и цѣ-

лости. Въ настоящее время чешская нація разодрана тѣми же глубокими классовыми противорѣчіями, какъ и всякая другая современная нація, и потому невозможно, чтобы она снова выступила, какъ цѣлое, противъ революціоннаго движенія и предала его". „Австрійскіе славяне, какъ національность, никогда уже не сыграютъ такой роли, какую они сыграли въ 1848 году".

Приговаривая австрійскихъ славянъ къ національной смерти, Марксъ всѣ свои симпатіи обращалъ къ Польшѣ, при помощи возстановленія независимости которой онъ разсчитывалъ на полную побѣду европейской демократіи. Но положеніе измѣнилось. Ленинъ выступаетъ теперь противъ лозунга независимой Польши, потому что „Петербургъ сдѣлался гораздо болѣе важнымъ революціоннымъ центромъ, чѣмъ Варшава". Не смотря на это, Ленинъ все же пользуется позиціей Маркса послѣ 48 г., чтобы оправдать свой взглядъ на необходимость подраздѣленія народовъ на „революціонные" и на „реакціонные" и „подчиненія интересовъ демократіи одной страны интересамъ демократіи *нѣсколькихъ или всѣхъ* странъ".

Въ доказательство справедливости такого взгляда, Ленинъ приводитъ слѣдующій примѣръ: „Представимъ себѣ, что между двумя большими монархіями находится одна маленькая, королекъ которой родственными или иными узами „связанъ" съ минархами обѣихъ сосѣднихъ странъ. Представимъ себѣ, далѣе, что провозглашеніе республики въ маленькой странѣ, изгнаніе *ея* монарха, означало бы на практикѣ войну между двумя сосѣдними большими странами изъ-за возстановленія того или иного монарха меленькой страны. Нѣтъ сомнѣнія, что вся международная с.-д.-ія, какъ и дѣйствительно интернаціоналистическая часть с.д.-іи маленькой страны *была бы противъ замѣны монархіи республикой* въ данномъ случаѣ".

Примѣръ этотъ поразителенъ. Вопервыхъ предположе-

ніе возможности войны между двумя большими государствами изъ-за изгнанія „королька“ въ „маленькой странѣ“ такъ же наивно, какъ, напр., объясненіе современной міровой войны убійствомъ австрійскаго престолонаслѣдника сербомъ. Изгнаніе „королька“ могло послужить лишь поводомъ большимъ государствамъ для сведенія между собой имперіалистическихъ счетовъ и поэтому, казалось бы, „вся международная соціалдемократія“ должна была бы выступить не противъ республиканскихъ стремленій „маленькой страны“, а противъ войны большихъ государствъ, при чемъ однимъ изъ ея антивоенныхъ лозунговъ долженъ бы быть лозунгъ *защиты* республики „маленькой страны“ и стремленіе осуществить республи анскій порядокъ въ воюющихъ большихъ государствахъ.

Но не надо забывать, что Ленинъ относится съ крайнимъ презрѣніемъ къ „маленькимъ націямъ“, называетъ ихъ „однимъ изъ источниковъ паразитизма“ и обыкновенно отожествляетъ понятіе „маленькія“ съ понятіемъ „угнетенныя“. Онъ тоже находитъ, что „интернаціоналистическое воспитаніе рабочаго класса не должно быть *конкретно одинаковымъ* въ націяхъ большихъ и угнетающихъ и въ націяхъ маленькихъ и угнетенныхъ“. Такъ какъ: „Путь къ одной цѣли: къ полному равноправію, тѣснѣйшему сближенію и дальнѣйшему *сліянію всѣхъ* націй идетъ здѣсь, очевидно, различными конкретными дорогами“.

„Центръ тяжести, пишетъ Ленинъ, интернаціоналистическаго воспитанія рабочихъ въ угнетающихъ странахъ неминуемо долженъ состоять въ проповѣди и въ отстаиваніи ими свободы отдѣленія угнетенныхъ націй“. И заявивъ со свойственнымъ Ленину джентельменствомъ, что „мы въ правѣ и обязаны третировать всякаго соціалдемократа угнетающей націи, который *не* ведетъ такой пропаганды, какъ имперіалиста, какъ негодяя“, тотчасъ же добавляетъ, что „мы обязаны воспитывать ра-

бочихъ въ „равнодушіи“ къ національнымъ различіямъ. Это безспорно“ *).

Казалось бы воспитаніе такого „равнодушія“ и есть воспитаніе „негодяевъ“, но Ленинъ разъясняетъ, что: „Членъ угнетающей націи долженъ быть „равнодушенъ“ къ вопросу о томъ, принадлежатъ ли маленькія націи *его* государству или *сосѣднему* или самимъ себѣ, смотря по ихъ симпатіямъ: безъ такого „равнодушія“ онъ не соціалдемократъ. Чтобы быть соціалдемократомъ интернаціоналистомъ, надо думать *не* о своей только націи, а *выше ея* ставить интересы всѣхъ, ихъ всеобщую свободу и равноправіе“.

„Наоборотъ. Соціалдемократъ маленькой націи долженъ центръ тяжести своей агитаціи класть на второмъ словѣ нашей формулы: „добровольное *соединеніе*“ націй. Онъ можетъ, не нарушая своихъ обязанностей, какъ интернаціоналиста, быть и за политическую независимость своей націи и за ея включеніе въ сосѣднее государство. Но во всѣхъ случаяхъ онъ долженъ бороться *противъ* мелко-національной узости, замкнутости, обособленности. за учетъ цѣлаго и всеобщаго, за подчиненіе интересовъ частнаго интересамъ общаго“.

Итакъ соціалисты угнетающихъ націй должны „равнодушно“ проповѣдывать и отстаивать „право на самоопредѣленіе націй“, а соціалисты націй угнетенныхъ должны „во всѣхъ случаяхъ“, наоборотъ, отстаивать „соединеніе націй“ и „подчиненіе интересовъ частнаго интересамъ общаго“.

---

*) „Сборникѣ“ помѣщена замѣтка объ „Общегородской с.-д. конференціи въ Харьковѣ“, состоявшейся въ ноябрѣ 1915 г. Въ приведенныхъ резолюціяхъ этой конференціи, не смотря на то, что Харьковъ украинскій городъ, ни однимъ словомъ не упомянуто о національномъ угнетеніи Украйны и о ея „правѣ на самоопредѣленіе“. Казалось бы, моментъ для такого заявленія былъ очень подходящимъ. Спрашивается поэтому, считаетъ ли Ленинъ харьковскую с.-д. конференцію собраніемъ „негодяевъ“ и если нѣтъ, то почему?

Обѣ стороны, соціалисты угнетающихъ и угнетенныхъ націй обязаны, если они не хотятъ быть „негодяями“, стремиться къ „тѣснѣйшему сближенію и дальнѣйшему *сліянію всѣхъ* націй“.

Нѣтъ сомнѣнія, что это „дальнѣйшее сліяніе“ выражаетъ собой не интернаціонализмъ, а современную систему централизма „крупныхъ государствъ“ и „дальнѣйшей“ ассимиляціи и угнетенія подчиненныхъ имъ націй.

Вѣрный этой системѣ, Ленинъ переноситъ ее и въ соціалистическій порядокъ и заявляетъ, что „цѣлью соціализма является не только уничтоженіе раздробленности человѣчества на мелкіе государства и всякой обособленности націй, не только сближеніе націй, но и сліяніе ихъ“. Какъ убѣжденный централистъ онъ отворачивается отъ того общепризнаннаго факта, что капиталистическій порядокъ, угнетая націи, одновременно возрождаетъ ихъ и организуетъ. Возрожденіе угнетенныхъ націй параллельно съ демократизаціей культуры и поэтому нельзя не согласиться съ Бауеромъ, что націи полностью разовьются только при соціализмѣ, когда широкія массы примутъ участіе въ культурной жизни, которая неизбѣжно приметъ національный характеръ, ускоряющій своимъ мирнымъ разнообразіемъ общественный прогрессъ.

Во всякомъ случаѣ ясно, что признаніе необходимости „дальнѣйшаго сліянія націй“ никакъ нельзя помирить съ „тезисомъ“ права на самоопредѣленіе и мы поэтому не можемъ не отнести этотъ „тезисъ“ къ числу прочихъ національно-„освободительныхъ“ лозунговъ современнаго воюющаго имперіализма. Послѣдняя циммервальдская конференція искренно и честно заявила, что она считаетъ пролетаріатъ обязаннымъ „отклонять всѣ, дѣланныя, подъ знаменемъ освобожденія угнетенныхъ народовъ пробы созданія будто независимыхъ, а по существу неспособныхъ къ жизни государствъ“.

Циммервальдское интернаціоналистическое движеніе

выступило, какъ извѣстно, съ *автономистической* программой въ національномъ вопросѣ, заявивъ въ резолюціи его второй конференціи, что „Пока соціализмъ не осуществилъ свободы и равенства правъ всѣхъ націй (сравните съ ленинскимъ „дальнѣйшимъ сліяніемъ“!) неизмѣнной обязанностью пролетаріата долженъ быть энергичный отпоръ *путемъ классовой борьбы противъ всякаго угнетенія* болѣе слабыхъ націй и требованіе защиты національныхъ меньшинствъ и автономіи на основаніи полной демократіи“.

Классовая борьба противъ всякаго національнаго угнетенія — вотъ тотъ принципъ, на которомъ только и можетъ быть построена дѣйствительно интернаціоналистическая соціалистическая программа въ національномъ вопросѣ.

Разница между циммервальдскими „тезисами“ въ національномъ вопросѣ и „тезисами“ Центральнаго Органа Р. С.-Д. Р. П. именно въ томъ и заключается, что послѣдній, признавая „право на самоопредѣленіе націй“, въ дѣйствительности отстаиваетъ политику враждебнаго отношенія къ освободительной борьбѣ націй, противупоставляя циммервальдской „свободѣ и равенству правъ всѣхъ націй“ свое „дальнѣйшее сліяніе“.

Отстаивая борьбу за національное освобожденіе, циммервальдцы проявляютъ достойную всякаго признанія заботу о „національныхъ меньшинствахъ“ и требуютъ демократической автономіи для угнетенныхъ націй.

„Центральный Органъ“, наоборотъ, не только не выставляетъ требованія автономіи, но относится къ ней даже презрительно, потому что, по выраженію Ленина, „автономія, какъ реформа, принципіально отлична отъ свободы отдѣленія, какъ революціонной мѣры“.

Все что защищаетъ Ленинъ всегда, конечно, очень революціонно. Но если взять примѣръ Швеціи и Норвегіи, съ которымъ такъ носится Ленинъ, то эти двѣ націи „самоопредѣлились“ мирно и правительственымъ

путемъ. Съ другой стороны борьба за ирландскую автономію проявлялась въ длительной и упорной революціонной борьбѣ.

Ленину приходится въ его защитѣ „права на самоопредѣленіе“, чтобы выйти побѣдителемъ, смѣшивать понятія. Въ данномъ случаѣ онъ отождествляетъ формы освобожденія націй со средствами осуществленія ихъ освобожденія.

Осуществленіе автономіи, какъ и государственной независимости можетъ быть результатомъ въ одномъ случаѣ революціонной борьбы, въ другомъ легальнаго правительственнаго или общественнаго акта. Кромѣ того за одинъ и тотъ же освободительный національный лозунгъ различныя классы угнетенной націи, различно его понимая, различно и борятся за него. Буржуазія какъ въ стремленіи къ государственной независимости, такъ и въ стремленіи къ автономіи неизмѣнно пользуется политикой компромисса съ правительствомъ господствующаго государства, патріотическія чувства къ которому у нея несравненно сильнѣе симпатій къ демократическимъ намѣреніямъ ея народа.

Что касается до пролетаріата и демократіи угнетенной націи, то ихъ національно-освободительныя стремленія выразятся въ рѣшающіе моменты при автономистической демократической программѣ къ *барр икадной* борьбѣ, а при программѣ отдѣленія въ борьбѣ *траншейной*.

Не скроемъ, что мы, съ нашей стороны, предпочитаемъ борьбу баррикадную т. е. политическую революцію борьбѣ траншейной т. е. войнѣ. Отличіе автономистическаго движенія отъ движенія сепаратистическаго въ томъ именно и заключается, что первое ведетъ демократію *всѣхъ* націй, угнетенныхъ „крупнымъ государствомъ“, на путь борьбы за политическое освобожденіе, ибо только при свободномъ политическомъ порядкѣ возможно осуществленіе демократической автономіи, въ то время какъ второе — сепаратистическое, является дѣломъ *одной*

угнетенной націи, которая борется не противъ угнетающаго ее порядка, а противъ угнетающаго ее государства,—не можетъ не превратиться при современной напряженной атмосферѣ антагонизма „крупныхъ государствъ“ въ имперіалистическую военную комбинацію.

Необходимо принять во вниманіе такъ же и то, что стремленіе къ завоеваніямъ капиталистическихъ державъ служитъ какъ бы продолженіемъ системы угнетенія націй внутри этихъ державъ. Московское государство, напримѣръ, только тогда превратилось въ современную россійскую имперію, когда оно покорило, стоящіе выше его въ культурномъ отношеніи, но дезорганизованныя междуусобными войнами Польшу и Украйну и подчинило обѣ царскому варварскому бюрократическому централизму. Величіе „русской“ имперіи, приводившее всегда въ такой восторгъ русское оппозиціонное движеніе, построено на господствѣ великорусскаго народа надъ цѣлымъ рядомъ анексированныхъ народовъ.

Угнетеніе націй внутри государства, подобно угнетенію колоніальнаго населенія, способствуетъ развитію имперіалистической жадности правительства „крупнаго государства“, которое для осуществленія своихъ военныхъ плановъ пользуется не только своимъ народомъ, но и громадными массами угнетенныхъ народовъ, составляющихъ въ Россіи, какъ и въ Австріи, большинство населенія. Центръ вытягиваетъ изъ угнетенныхъ имъ народовъ большія средства, которыя обогащаютъ государственную кассу и даютъ возможность правительству содержать армію и чиновничество, которыя обезпечиваютъ его господство.

Поэтому демократическая, автономистическая децентрализація „крупныхъ государствъ“, позволяющая и демократіи угнетенныхъ народовъ принять участіе въ политической жизни, не можетъ не ослаблять реакціонность и всемогущество центральной власти. Поэтому такъ же національно освободительныя движенія угнетенныхъ на-

ціи и въ особенности, если пролетаріатъ принимаетъ въ нихъ активное революціонное участіе, связывая свое національное освобожденіе съ его общимъ классовымъ освобожденіемъ, — несомнѣнно служитъ общественному прогрессу.

Въ вопросѣ старыхъ аннексій Центральный Органъ Р.С.-Д.Р.П. держится того мнѣнія, что „протестъ противъ анексій есть ничто иное, какъ признаніе права самоопредѣленія", т. е., что если мы выступаемъ противъ новыхъ анексій, то мы тѣмъ самымъ должны выступать противъ старыхъ анексій и значитъ за право самоопредѣленія. Ленинъ утверждалъ въ виду этого, что я „выступая противъ права самоопредѣленія, *такимъ образомъ* защищаю старыя анексіи царизма (Финляндіи и т. п.)" и обозвалъ меня по этому поводу „довольно откровеннымъ слугой буржуазіи".

Ленинъ очень любитъ, какъ бы въ доказательство его „революціонной" безшабашности, ругнуть крѣпкимъ словомъ своего противника. Отъ этой его манеры тошнитъ и приходится часто дѣлать надъ собой извѣстное усиліе, чтобы заставить себя продолжать съ нимъ разговоръ.

Въ доказательство того, что протестующіе противъ анексій должны признавать право самоопредѣленія, Ленинъ приводитъ такое сравненіе: „Допустимъ, я выхожу на улицу любого европейскаго города и заявляю публично (!), повторяю потомъ въ газетахъ (!) „протестъ" противъ того, что мнѣ не позволяютъ купить человѣка въ рабство. Нѣтъ сомнѣнія, что меня въ правѣ будутъ счесть рабовладѣльцемъ, сторонникомъ принципа или системы, какъ хотите, рабства. Что мои симпатіи къ рабству облечены въ отрицательную форму, а не въ положительную („я за рабство"), это никого не обманетъ. Политическій „протестъ" *вполнѣ* равносиленъ политической программѣ, это до того очевидно, что какъ то неловко даже быть вынужденнымъ разъяснять".

Мы очень сомнѣваемся, что публика „любого евро-

нейскаго города“ могла бы “счесть“ Ленина рабовладѣльцемъ. Она скорѣе всего приняла бы его за господина психически больного маніей господства. Редакціи газетъ „любого европейскаго города“ навѣрное съ удивленіемъ бросили бы его „протестъ“ въ редакціонныя корзины. Впрочемъ это „сравненіе“ такъ же нелѣпо, какъ и утвержденіе, что „политическій“ „протестъ“ (кавычки Ленина) *вполнѣ* равносиленъ политической программѣ“.

Вторая циммервальдская конференція совершенно правильно заявила, что „пролетаріатъ борется противъ анексій не потому, что признаетъ міровую карту, какой она была передъ войной, за соотвѣтствующую интересамъ народа и которая поэтому не должна быть измѣненной! Соціализмъ самъ стремится къ уничтоженію всякаго національнаго угнетенія путемъ экономическаго и политическаго объединенія народовъ, которое неосуществимо при существованіи капиталистическихъ границъ“.

Мы протестуемъ противъ новыхъ анексій, потому что они служатъ новымъ насиліемъ надъ націями и новымъ препятствіемъ ихъ освободительнымъ движеніямъ. Что касается старыхъ анексій, то дѣйствительнымъ защитникомъ ихъ являемся не мы, а Ленинъ, потому что онъ, а не мы, стоитъ за „дальнѣйшее сліяніе націй“ въ „крупныхъ“ и централизованныхъ государствахъ, а отъ его „права на самоопредѣленіе“, какъ онъ самъ утверждаетъ, откажутся по его „обезпеченіи“ угнетенныя націи.

Мы, наоборотъ, отстаиваемъ необходимость борьбы съ послѣдствіями старыхъ анексій, съ угнетеніемъ анексированныхъ націй и завоеванія для нихъ демократическихъ и автономныхъ правъ, какъ единственной возможной гарантіи ихъ свободнаго національнаго существованія и развитія при капиталистическомъ порядкѣ. Измѣненіе границъ — задача имперіализма, наша задача — борьба за децентрализацію и демократизацію „крупныхъ государствъ“. При чемъ пролетаріатъ угнетающей націи,

по крайней мѣрѣ его дѣйствительно интернаціоналистически настроенная часть, обязана помогать намъ въ нашей борьбѣ своимъ давленіемъ на центральное правительство.

Мы противъ того, чтобы петроградское правительство и петроградскій центральный комитетъ централизовали въ своихъ рукахъ, первое — всю политическую власть надъ россійской имперіей, второй — всю организаціонную власть надъ россійской соціалдемократіей.

Мы отстаиваемъ федералистическій принципъ какъ въ устройствѣ россійской имперіи, такъ и въ организаціи россійской соціалдемократіи.

Когда украинская соціалдемократія, окончательно сформировавшаяся въ програмномъ и организаціонномъ отношеніи на ея учредительномъ съѣздѣ въ 1905 году, высказалась за объединеніе съ россійской соціалдемократіей на основѣ автономіи, то россійскіе соціалдемократы въ продолженіи длительныхъ, нѣсколько разъ возобновлявшихся, переговоровъ съ нами самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицали объединеніе, предлагая намъ „*сліяніе*“, отъ котораго мы, конечно, отказались и на которое никогда не согласимся.

Чтобы представить себѣ совершенно конкретно, что такое „право на самоопредѣленіе націй“, достаточно будетъ привести цитату изъ письма Ленина въ одну изъ нашихъ редакцій, которую мы печатаемъ съ разрѣшенія автора: „ Долженъ сказать, писалъ онъ намъ, что проповѣдью *отдѣленія* украинскихъ рабочихъ въ особую с.-д. организацію возмущенъ глубоко“.

Украйна — въ продолженіи всего XIX и нашего столѣтія находится въ положеніи великорусской колоніи при чемъ репрессіи царскаго правительства надъ украинскимъ движеніемъ всегда были безпощадны. Украинское печатное слово было запрещено въ продолженіи 30 лѣтъ передъ революціей и теперь снова запрещено съ начала настоящей войны, въ то время, какъ русская армія при

занятіи Галиціи и Буковины разгромила всѣ культурныя достоянія украинскаго народа, которыя онъ пріобрѣлъ въ сравнительно свободныхъ политическихъ условіяхъ Австріи.

Украинская соціалдемократія признала своей обязанностью борьбу за освобожденіе своего народа. Она противопоставила украинской буржуазной политикѣ, заключающейся въ исключительномъ стремленіи „помириться съ правительствомъ“ за цѣну маленькихъ уступокъ съ его стороны, политическую программу демократической автономіи и тактику революціонной классовой борьбы совмѣстной съ пролетаріатомъ всѣхъ націй Россіи противъ царскаго порядка и за политическую и національную свободу. Отдѣльная, но связанная автономно съ россійской соціалдемократіей, украинская организація необходима для осуществленія отдѣльнаго политическаго требованія автономіи Украйны.

Но русская соціалдемократія встрѣтила наше движеніе съ первыхъ дней его появленія съ „глубокимъ возмущеніемъ“. Въ мѣру роста нашего движенія и не смотря на то, что наша партія приняла въ 1905 году совершенно опредѣленный соціалдемократическій характеръ и придерживалась послѣдовательной революціонной тактики, нашъ антагонизмъ съ русскими соціалдемократами, работавшими на Украйнѣ, не только не ослабѣвалъ, а постоянно усиливался.

Къ намъ относились какъ къ „шовинистамъ“ и какъ къ „сепаратистамъ“, не смотря на то, что русскіе соціалдемократы, слѣдуя по стопамъ правительственной ассимиляціи и пользуясь ея результатами, организовывали пролетаріатъ въ украинскихъ городахъ, какъ русскій пролетаріатъ и этимъ отдѣляли его культурно отъ пролетаріата сельскаго, чѣмъ, конечно, нарушали единство рабочаго движенія на Украйнѣ и замедляли его развитіе.

За все время ихъ дѣятельности они никогда не вы-

ступали на украинской территоріи противъ національнаго угнетенія и пользовались результатами этого угнетенія, какъ возможностью расширенія ихъ вліянія и ихъ организацій на всю большую украинскую территорію, что, конечно, значительно усиливало ихъ движеніе.

Мы никакихъ претензій не можемъ имѣть къ русскимъ товарищамъ, работающимъ среди русскаго пролетаріата на русской территоріи или эмигрировавшаго на украинскую территорію, но мы говоримъ о тѣхъ русскихъ соціалдемократахъ, которые работаютъ среди нашего пролетаріата и, признавая наше „право на самоопредѣленіе“, отрицаютъ все же за нами право борьбы за наше національное освобожденіе.

Если они говорятъ искренно о томъ, что хотятъ протестовать противъ старыхъ анексій, въ результатѣ которыхъ Россія тяжко угнетаетъ Украйну, то пусть хоть не препятствуютъ украинскому пролетаріату бороться за его національное освобожденіе.

